

© 2000 г. О.Ю. КРЮЧКОВА

РЕДУПЛИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ТИПОЛОГИИ

Понятие "редупликация" (от лат. *reduplicatio* – удвоение) не имеет на сегодняшний день четкого и разделяемого всеми исследователями определения. В разных трактовках под это понятие подводится неодинаковый круг явлений – от разнообразных внутрисловных до разнообразных межсловных удвоений. Так, например, в работах по русскому и славянскому языкознанию понятием "редупликация" обозначаются и слоговые (типа *хихикать*, *шушукаться*, *колокол*), и аффиксальные (типа укр. *попоходити*, *попоносити*), и словные удвоения (типа *ходишь-ходишь*, *далеко-далеко*), и повторения иного рода (например: *Пристал купи да купи*; *За теми деревнями леса, леса*).

В случаях осознания редупликации как приема в н у т р и с л о в н о г о удвоения не четко определенным оказывается характер базисных единиц, участвующих в моделях редупликации; не вполне ясно, ограничивается ли редупликация случаями удвоения единиц, одинаковых в плане выражения (ср. в [ЛЭС: 408]: "редупликация – фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога или целого корня"), или проявления этого же языкового приема следует видеть в удвоениях, оперирующих планом содержания языковых знаков при обязательном тождестве плана выражения (в сборнике [Языки Ю.-В. Азии 1980] рассматриваются как удвоения, связанные с полным или частичным повторением звуковой оболочки редупликанта¹, так и удвоения, не связанные с повторением звуковой оболочки редупликанта, – "удвоение синонимичных лексических единиц, т.е. создание смысловых повторов" – [Там же: 9]). Дискуссионными остаются также вопросы о функциональной стороне редупликации, ее грамматическом или каком-то ином статусе, о месте редупликации в системе способов словопроизводства, о соотношении этого приема с аффиксацией и словосложением. Во вступительной статье к названному сборнику Н.Ф. Алиева указывает и на ряд других нерешенных теоретических проблем, связанных с применением способа удвоения в разных языках мира. Сегодня по-прежнему не потеряло своей актуальности то, о чем вот уже 20 лет назад писала Н.Ф. Алиева: "Естественность, самоочевидность, кажущаяся примитивность этого способа слово- и формообразования, вероятно, немало содействовали тому, что в языкознании об удвоении обычно говорилось лишь мимоходом. Его структурные, функциональные и семантические возможности характеризовались только в общих чертах. Как правило, лингвисты не усматривали здесь никаких проблем для теоретического исследования. Видимо, не случайно нам не удалось обнаружить ни одной специальной работы общелингвистического характера, посвященной удвоению: этому вопросу отводится только по две-три страницы в общих трудах" [Алиева 1980: 3].

До настоящего времени проблемы редупликации (понимаемой в качестве приема в н у т р и с л о в н о г о удвоения) обсуждались более или менее активно на материале языков азиатского юго-восточного региона. Что касается русистики, то можно

¹ В дальнейшем мы будем пользоваться терминами "редупликант" (удваиваемая единица) и "редупликатор" (удваивающая единица), предложенными редколлегией сборника [Языки Ю.-В. Азии 1980].

смело утверждать, что проблема редупликации является здесь лакуной как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах. Внутрисловные удвоения в русском языке не были до настоящего времени предметом системного изучения, их описание сводилось по существу к указанию на отдельные типы или факты удвоения. Этим обусловлено и практическое неприменение в русистике термина "редупликация" относительно тех или иных случаев повтора компонентов, образующих слово.

Вместе с тем универсальность редупликации как приема построения слов, использующегося большинством или, возможно, всеми языками, является как будто бы фактом признанным. "Редупликация свойственна языкам различного строя", — говорится в ЛЭС [ЛЭС 1990: 408]. Эта же мысль эмоционально выражена Э. Сепиром: "Нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации..." [Сепир 1993: 82]. Выделены также отдельные универсальные признаки редупликации, ср., например, в [ЛЭС 1990: 408] "...чаще редупликация выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшенность и т.п. ..."

Однако изучение языковых универсалий предполагает выявление не только универсальных (изоморфных для разных языков), но и типических (алломорфных для разных языковых типов) черт явления. Между тем если первая сторона вопроса получила в литературе некоторое освещение, то вторая остается на сегодняшний день совершенно не исследованной. В частности, неясно, одинаково или по-разному применяется способ внутрисловного удвоения в языках с различной морфологической структурой; с какими особенностями языкового строя связана специфика внутрисловных удвоений в разных языках; могут ли алломорфные проявления редупликации (и какие конкретно) расцениваться в качестве типологически значимых признаков. Весьма показательно существование противоположных суждений о типологической значимости редупликации. Если по мнению Н.В. Солнцевой редупликация может рассматриваться в ряду типологических признаков, различающих языковые типы [Солнцева 1985], то В.И. Беликов такую возможность отвергает [Беликов 1989].

Дальнейшее содержание статьи представляет собой рассуждения в русле сформулированных выше вопросов, т.е. последовательное рассмотрение универсальных свойств редупликации (I), ее типических проявлений в разноструктурных языках (II) и попытку интерпретации алломорфизма, наблюдающегося в применении способа внутрисловного удвоения в языках разной типологии (III).

В данном случае, при исследовании одного из приемов образования слов, в качестве основы типологического сопоставления логично избрать именно структурную, или морфологическую, классификацию языков. Следует оговориться, что принятое нами описание языковых типов как изолирующих, агглютинативных и флективных достаточно условно в связи с многократно уже подтвержденным положением об отсутствии "чистых" языковых типов² и неоднозначной интерпретацией многих языковых фактов, что обуславливает поиски иных схем типологической классификации языков (ср., например, двумерную схему, предложенную Н.В. Солнцевой [Солнцева 1985: 156–157]). Использование же терминов "изоляция", "агглютинация", "флексия" в качестве признаков одномерной классификации обусловлено в данном случае необходимостью учета большого количества исследований, оперирующих именно таким трехчленным рядом понятий, и стремлением к максимальной дифференциации языкового материала при первоначальном его представлении³.

² «...в природе не существует "чистых" языковых типов, в каждом языке присутствуют все... явления (изоляция, агглютинация, флексия, инкорпорация. — О.К.), хотя и в разных пропорциях» [Ярцева 1974: 13–14].

³ В списке литературы названы работы, фактический материал которых привлечен к дальнейшему анализу. Это в основном исследования по изолирующим и агглютинативным языкам [Аврорин 1959–1961; Аракин 1980; Горгониев 1980; Дьячков 1977; Карский 1956; Кудайбергенов 1957; Леонтьев 1980; Лонг Сеам 1980; Люй Шу-сян 1961; Морев 1983; Оглобин 1980; Омелянович 1980; Орузбаева 1964; Санжеев 1941; Серебренников 1965; Сираева 1969;

I. Наиболее общие структурные типы редупликации в том или ином виде представлены в разных языках. Во всех языках (или в большинстве языков) редупликация может быть полной (полное удвоение редупликанта: слога, морфемы, основы или слова), неполной (частичное повторение редупликанта в редупликаторе) и дивергентной (с изменением звукового состава редупликанта). Ср.: полная редупликация: мал. *labu-labu* "глиняный горшочек", бурят. *дэмы-дэмы* "напрасно", русск. *белый-белый*; не полная редупликация: мад. *ma'-léma'* "по пять", мар. *и-изи* "маленький-маленький", русск. *улюлю*; дивергентная редупликация: индонез. *colak-culing* "беспорядочный", карач.-балк. *gab-gara* "чернейший, пречерный", русск. *тяп-ляп, такой-сякой*. Во всех языках редупликация тех или иных компонентов слова может сопровождаться дополнительным использованием аффиксов (осложненная редупликация). Ср.: *там-шу-там* "все больше и больше" в языке кхаси, *улаанһаа* улан "самый красный, наикраснейший" в бурятск. яз., *baɣalbaɣalnbariy* "ударять друг друга" в языке дырбал, *черный-пречерный* в русск. яз. Во всех языках редупликация может быть связана не только с повторением звуковой оболочки редупликанта, но и с повторением его семантики. В последнем случае речь идет о смысловых повторях, или с и н о н и м и е с к о й редупликации. Например: шан. *tseat3-thaaml-tseat3-toi4* "расспрашивать-разузнавать" (ср.: *tseat3-thaaml* "расспрашивать", *tseat3-toi4* "разузнавать"), узб. *йигим-терим* "сбор урожая" (ср.: "сбор" + "уборка"), русск. *дочурочка* (-урк- + -к-), др.-русс. *дѣлательникъ* (-тел'- + -ьник-).

Семантические функции редупликации многообразны: от выражения грамматических значений до варьирования или изменения лексической семантики. Однако в основных значениях, передаваемых удвоенными словами, большинство языков обнаруживает значительное сходство. Семантической универсалией является, без сомнения, использование удвоения для передачи интенсивности признака, иконическая связь этого способа "с идеей меры и количества" [Оглоблин 1980: 173]. Б.А. Успенским предложена следующая универсалия, касающаяся семантики редупликационных моделей: в большинстве языков, если существует редупликация (полная или частичная) как продуктивный грамматический способ слово- или формообразования, в числе значений, выражаемых этим способом, имеется значение изменения количества или степени (см. [Языковые универсалии... 1969: 335]). Эта общая идея (инвариантное значение) в разных лексико-категориальных классах реализуется в соответствующих модификациях: "для предметных значений – как множественность, разнообразие и сходство, для значений качеств – как степень качества, для процессов – как длительность и многократность" [Оглоблин 1980: 173]. Ср. сходные типы значений, передаваемые редуплицированными словами в разнотипных языках:

Изолирующие языки: шан. *khan¹-khan¹* "очень быстрый"; кит. *чжэнь¹чжэнь* *бу-цо⁴* "в самом-самом деле неплохо"; кхмер. *снае-снэт* "страстно любить"; малаг. *maitsomaitso* "ярко-зеленый", *мена-мена* "красноватый", *ezakaezaka* "повторные усилия"; бирм. *айа²йа* "разные вещи"; мад. *по'-тапо'* "разные птицы".

Агглютинативные языки: бурят. *улаанһаа улаан* "самый красный, наикраснейший", *губэр-шэбэр* "еле-еле (говорить)"; мар. *кугу-кугу* "преобладающий", *шукерте-шукерте* "давным-давно"; гаг. *узун-узун* "длинный-длинный"; кирг. *эт-мет/эт-сет* "мясо и т.п.", *мал-сал* "скот и т.п.", адыг. *чъылэ-чъылэ* "очень холодно".

Флективные языки: русск. *белый-белый* "очень белый", *давным-давно* "очень давно", *крепко-накрепко* "очень крепко", *понавезти* "привезти что-то в очень большом количестве", *щелочка* "очень маленькая щель, щелка", *маломальский* "самый маленький, незначительный", *шурум-бурум* собир. "всякое старье, тряпье"; укр. *дав-*

Сирк 1980; Тхаркахо 1992]. Флективный языковой тип охарактеризован в статье по преимуществу на собранном автором материале русского языка, поскольку в русском словообразовании флективный характер языкового строя проявляется достаточно отчетливо.

ним-давно "очень давно", *тонесесенький* "очень-очень тоненький", *білесесесенький* "очень беленький", *попоходити, попоробити, поповчити, попоісти* (обозначают многократные действия); блр. *даўным-даўно* "очень давно".

Таким образом, основная сфера распространения редупликации в языках мира – «это сфера различных модификаций значений исходной единицы при сохранении "основного" лексического значения» [Солнцева 1985: 79].

Семантической универсалией является также использование редупликации как изобразительного средства при образовании разного рода подражательных и изобразительных слов. Этот факт отмечен в ЛЭС. "Редупликация, – говорится в соответствующей статье, – широко используется при образовании идеофонов и звуко-подражательных слов" [ЛЭС 1990: 408]. Об этом свидетельствуют и примеры из разных языков: таг. *kikirap-kirap* изобразит. "мерцание"; мар. *йыл-йол* изобразит. "о сверкании молнии"; кирг. *кобур-собур* подражат. "бормотанье"; негидальск. *муси-муси* изобразит. "улыбаясь"; русск. *трень-брень, динь-динь, тик-так, куд-кудах*.

В ряд универсальных признаков, связанных с применением редупликации, входит, по всей видимости, и характер соотношения сторон (плана выражения и плана содержания) редулицированного языкового знака. Для языковых знаков, сконструированных на основе редупликации, релевантно следующее соотношение: одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения.

П. Наряду с универсальными структурными и семантическими проявлениями редуликаций, разные языки характеризуются своеобразной интерпретацией общих, инвариантных структурных типов внутрисловного удвоения и общей, инвариантной семантики. Как показывают наши наблюдения, будучи немногочисленными в каждом конкретном языке, наиболее продуктивные модели редупликации в целом совпадают в языках с одинаковым морфологическим строем. В то же время разноструктурные языки обнаруживают в этом отношении отчетливые различия.

В изолирующих и агглютинативных языках, применяющих при построении слов агглютинативную технику, редупликация осуществляется в пределах корневой морфемы. Например, в изолирующих языках Юго-Восточной Азии основными структурными моделями редупликации являются полное или дивергентное повторение слогов исходных односложных или двусложных слов типа шан. *khan¹* "быстрый" – *khan¹-khan¹* "очень быстрый"; кхмер. *снае* "любить" – *снае-снэт* "страстно любить". В тюркских и финно-угорских агглютинативных по структуре языках продуктивны полная и дивергентная редупликация корней-основ (так называемые парные слова, или слова-эхо, с изменением инициальной фонемы редуликанта) типа гаг. узун "длинный" – узун-узун "длинный-длинный", киргизск. мал "скот" – мал-сал "скот и т.п.". Случаи удвоения аффиксов в изолирующих и агглютинативных языках отмечаются исследователями как особые.

В славянских языках с синтетическим флективным строем редулицируются преимущественно синонимические суффиксальные и префиксальные морфемы. Так, в русском языке на протяжении всего его исторического развития в системах разных частей функционируют разнообразные модели с нанизыванием одних и тех же или, чаще, синонимических словообразовательных аффиксов. Ср., например: *ведер-к-о* – *ведер-оч-к-о*, *вулканизатор* – *вулканизатор-щик*, *при-забыть* – *по-при-забыть*, *за-бросить* – *по-за-бросить* в современном русском языке; устаревшие сейчас, но еще употреблявшиеся в XVIII-XIX вв. *груз-ин-ец* (< *грузин*), *челяд-ин-ец* (< *челяд-ин*), *бег-ун-ец* (< *бег-ун*), *бели-тель-ник* (< *бели-тель*), *дешев-изн-ость* (< *дешев-изн-а*), *вос-про-славить* (< *про-славить*); древнерусские *писа-тель-ник-ъ* (< *писа-тель*), *льв-нич-ищ-ь* (< *льв-нич-ь*), *мель-нич-ник-ъ* (< *мель-ник-ъ*), *невѣр-ств-не* (< *невѣр-ств-о*), *ненст-ов-ьн-ый* (< *нѣнст-ов-ый*), *конч-а-ва-ти* (< *конч-а-ти*), *съ-по-стигнѹти* (< *по-стигнѹти*) и мн. др. Удвоения реляционных

аффиксов единично представлены в современном русском языке и его истории. Ср., например, отдельные случаи удвоения окончания инфинитива в древнерусском языке и современных народных говорах: *поври-чи-ти* – "обрить", *поволо-чи-ти* – "обтянуть, покрыть тканью"; "насильно повести", *почү-ти-ти* и *үчү-ти-ти* – "ощутить", *почес-ти-ти* – "почтить", *привъзви-ти-ти* – "приобрести"; *и(д)-ти-ть*, *най-ти-ть*, *прой-ти-ть-ся*. Современному русскому литературному языку известен лишь один глагол с удвоенным окончанием инфинитива – *запропас-ти-ть-ся*.

Все приведенные и подобные им примеры вторичной аффиксации трактуются нами как проявления аффиксальной редупликации на том основании, что аффиксы второго деривационного шага не изменяют словообразовательного значения первичного аффикса, а полностью или частично дублируют его. Функция второго словообразовательного аффикса – в усилении, подчеркивании соответствующего значения первичного аффикса или отдельных компонентов его значения. Ср.: *ведерочко* – "то же, что ведро, но с усилением ум.-ласк. значения", *вулканизаторщик* – "то же, что вулканизатор в 1-м знач. – рабочий, занимающийся вулканизацией", *попризабыть* – "то же, что призабыть", *позабросить* – "то же, что забросить". Подобную усиительную функцию могут выполнять в других языках не аффиксальные, а корневые редупликации, ср. повторную плюрализацию в языке хауса типа *dūwār wālsai* "камни" (< *dūwātsū* "камни"), "где второе множественное как бы плюрализует уже плюрализованную основу и тем самым имплицитно (еще) большее количество..." [Мельчук 1997, I: 253].

Необходимо отметить, что повторения деривационных аффиксов, характерные для структуры русского слова, традиционно не попадают в круг редупликационных моделей⁴. Вместе с тем в повторениях дериватом нет ничего необычного. Так, И.А. Мельчук отмечает, что если природа соответствующего значения допускает повторение, то дериватомы "менее ограничены с точки зрения возможностей повторяться, чем настоящие грамемы... среди дериватом попадают даже такие, для которых повтор прямо-таки желателен" [Мельчук 1997, I: 268]. Невключение повторений деривационных аффиксов в круг явлений редупликации обусловлено, на наш взгляд, как минимум двумя важнейшими причинами. Во-первых, как мы уже отмечали, в русистике (и шире – в славистике) до сих пор нет какого бы то ни было систематического описания многообразных случаев аффиксальных повторов (дублирующей аффиксации). Во-вторых, более активное изучение приема удвоения на материале языков иной типологии, в которых этот прием выступает прежде всего как операция, изменяющая к о р е н ь слова, вызвало вполне оправданное стремление разграничивать прием удвоения и прием аффиксации (см., например, критический анализ положения Л. Блумфилда "редупликация – это аффикс" в [Алиева 1980: 4–7]). Вместе с тем и возможность аффиксального удвоения в принципе не отрицается. Она лишь квалифицируется как р е д к и й (редкий для языков с агглютинативной техникой) случай удвоения. Так, в упомянутой уже вступительной статье к сборнику, посвященному повторам в языках Юго-Восточной Азии, подчеркивается: "Особо стоят такие повторы, в которых удвоен сам аффикс, – они отмечены в чжуанском и тагальском языках" [Алиева 1980: 14].

Обычно в качестве чуть ли не единственно возможных случаев редупликации в русском языке отмечаются словные удвоения типа *белый-белый*, *ходишь-ходишь*. Русские словные удвоения справедливо характеризуются в языкознании как "предельные", смыкающиеся с повтором, случаи редупликации [ЛЭС 1990], как языковые факты, образующие периферию внутрисловных повторов [Касевич 1988: 135–136], как

⁴ Вопрос о разновидностях редупликации деривационных аффиксов в славянских языках был затронут лишь в докторской диссертации Л.И. Ройзензона (см. [Ройзензон 1970]). Некоторые конкретные модели аффиксального удвоения в русском языке описаны в ряде наших статей (см., например [Крючкова 1999а; 1999б; 1999в]).

"синтаксическая редупликация" [Вежицкая 1999: 257]. Русские образования типа *белый-белый* могут быть определены, на наш взгляд, как сложные слова, существующие в слитно-раздельной форме (по Н.В. Солнцевой), формально и семантически мотивированные соответствующими нередуплицированными словами (ср.: *белый* > *белый-белый*) и характеризованные специальным показателем этих формально-семантических отношений – удвоением. "В структурном отношении словоудвоение является частным случаем словосложения, отличаясь лишь тем, что словоудвоение состоит из двух одинаковых основ-составляющих, а словосложение – из двух различных" [Макаренко 1970: 148]. Своеобразие удвоенных слов хорошо подчеркнуто термином "неподлинное сложение", применяемым в отношении словесных повторов в армянской лингвистической традиции (см. [Манучарян 1981: 60–66]).

Обладая значительной общностью в структурных моделях редупликации, языки одного и того же морфологического типа имеют в этом отношении и расхождения, хотя и весьма незначительные. Такие расхождения касаются в основном продуктивности/непродуктивности тех или иных структурных моделей в пределах одних и тех же ономастических классов. Так, при общем развитии акционсартно-префиксальной и диминутивно-суффиксальной редупликации во всех современных славянских языках конкретные структурные модели этих видов аффиксального удвоения могут быть различными. Ср., например, продуктивную в украинском, белорусском, чешском и польском языках и непродуктивную в других славянских языках модель полной редупликации глагольных префиксов (укр. *попоходити*, *попоробити*; блр. *папабегаць*, *папагаварыць*; чеш. *porojet* "немного проехать"); специфическую для украинского языка модель частичной редупликации адъективных уменьшительных суффиксов *-сенький* (*тонесесенький*).

Структурные различия в моделях славянской редупликации не колеблют, однако, общего для них главенства а ф ф и к с а л ь н о й редупликации над другими видами внутрисловного удвоения. В славянских языках отсутствуют живые, п р о д у к т и в н ы е модели слогового и корневого удвоения, столь характерные для изолирующих и агглютинативных языков. Слова с подобным удвоением представляют собой р е л и к т ы древнего типа редупликации. Такие слова во всех славянских языках немногочисленны и относятся к древнейшему лексическому слою. Например, русск. *бубен*, *дадим*, *перепелка*, *папа*, *мама*, *тот* (< *тьть*), *колокол*, *глагол*, *еле-еле*, *едва-едва*, *маломальский*; блр. *тараторыць*, *n'arap'olka*, *нопел* (< *пепел* < *пел-пел*), ср. также в др.-русск. *дньдньныны*, *словословити*, *словословестити*. Слоговое и корневое удвоение в славянских языках в основном сосредоточено в лексике с междометными и звукоподражательными корнями, хотя количество таких слов тоже невелико. Например, болг. *чин-чин* "кукушка"; укр. *ква-ква*; русск. *гагара*, *гоготать*.

Итак, типические различия в структурных моделях редупликации связаны в разных языках прежде всего с отношением моделей редупликации к тем или иным разновидностям редупликантов, т.е. к базовым единицам редупликации. Иными словами, типические различия обнаруживаются в первую очередь при ответе на вопрос, к а к и е языковые единицы тем или иным образом удваиваются в пределах слова. В изолирующих и классических агглютинативных языках базовой единицей редупликации является корень-основа, реже встречается удвоение аффиксов, в языках флективного типа, напротив, преобладает редупликация аффиксов, периферию внутрисловных удвоений образуют лексемные повторы. Речь в данном случае, конечно же, идет об о с н о в н ы х базовых единицах редупликации для того или иного типа языка, поскольку в каждом типологическом классе языков в той или иной степени в моделях редупликации задействованы разные исходные единицы⁵. Поэтому опреде-

⁵ Известно, например, что редупликация корня использовалась в древних индоевропейских языках (например, в санскрите, древнегреческом) как средство глагольного формообразования – "при образовании перфектных, а также некоторых презентных и

ляющее значение в данном случае имеет именно степень участия языковых единиц в моделях редупликации.

Помимо очевидных различий в базовых единицах редупликации (корень-основа или аффиксы), приведенные примеры указывают и на другое существенное типологическое различие языков, выявляющееся в моделях внутрисловного удвоения. Это различие связано также с оппозицией "формальный повтор – смысловой повтор". В изолирующих и агглютинативных языках преобладают редупликация, основанная на повторении звуковой оболочки языкового знака: полным, частичном или дивергентном повторении корня-основы. Флективные же языки предпочитают удвоение синоптических единиц, прежде всего нанизывание синонимических аффиксов. Поэтому применительно к флективным языкам понятия "полная", "неполная", "дивергентная" редупликация могут отражать не только разновидности удвоения элементов формы языкового знака, но и виды повтора элементов его содержания.

Таким образом, изолирующие и агглютинативные языки характеризуются значительным сходством в структурных типах редупликации. Языки же синтетического флективного строя заметно отличаются своеобразными структурными проявлениями способа внутрисловных удвоений. Элементы сближения изолирующих и агглютинативных языков, с одной стороны, и флективных языков, с другой стороны, (например, развитие аффиксальных удвоений в языках с агглютинацией и распространение "эхо-слов" типа *сахар-махар*, *цифры-мыфры* в языках флективного строя) свидетельствуют, по всей видимости, о новых для того или иного языкового типа тенденциях, осознание и объяснение которых возможно лишь через призму диахронного изучения динамики структурных моделей редупликации.

Типовая семантика редупликации ввиду большого разнообразия в каждом языке передаваемых этим способом семантических модификаций выделяется не столь отчетливо, как типовые структурные модели. Типологические различия в семантике удвоений связаны прежде всего со степенью регулярности тех или иных типов значений. Основным дифференциальным типологическим признаком редупликационной семантики является, по-видимому, соотношение предметных и признаковых значений. При общем уже упомянутом нами преобладании признаковой семантики внутрисловное удвоение широко используется в изолирующих и агглютинативных языках и для передачи предметных значений, значений множественности, собирательности, распределительности, разнообразия, сходства и других. Ср.: мад. *mano'* "птица или птицы" – *no'-mano'* "разные птицы"; бирм. *ai̯a²* "вещь" – *ai̯a²i̯a²* "разные вещи"; таг. *amá* "отец" – *inaamá* "крестный отец"; в языке квилеут *tukôyo?* "снег" – *tutkôyo?* "снег повсюду"; в языке папаго *daikuq* "стул" – *dadaikuq* "несколько стульев из одного "гарнитура" (из одного дома)" – *daddaikuq* "несколько стульев разного происхождения (из разных домов)"; кирг. *мал* "скот" – *мал-сал* "скот и т.п."; карач.-балк. *юй* "дом" – *юй-мюй* "дома"; каракалп. *төбө* "гора" – *төбө-төбө* "горы"; ног. *шокур* "углубление" – *шокур-мокур* "разные углубления"; уйгур. *моғэ* "фрукты" – *моғэ-чоғэ* "разные фрукты".

К указанным предметным значениям близки также типичные для изолирующих и агглютинативных языков значения, передаваемые удвоением числительных и местоимений. Например: мад. *l'éta'* "пять" – *l'éta'* – *ma'-léta'* "по пять", *ара* "что" – *ра-ара* "что-либо"; папуас. *oroí* "два" – *oroí oroí* "два и два, четыре" – *oroí oroí oroí* "шесть"; яз. крио *tu* "два" – *tutu* "по два"; эрзя-морд. *кавтонь* "два" – *кавтонь-кавтонь* "по двое", *мезе* "что" – *мезе-мезе* "что-нибудь", азерб. *бир* "один" – *бир-бир* "по одному",

аористных основ" [Языки Азии... 1976: 130]. Ср. греч.: *di-dōmi* 'даю' – *dé-dōka* 'дал'. Вместе с тем уже в старых индоевропейских языках (санскрите, средних индоарийских языках: пали, шаурацени, апабхрانشа) распространены были префиксальные и суффиксальные удвоения (см. [Там же: 131, 140]).

тув. *он* "десять" – *он-он* "по десять", нан. *эун* "один" – *эун-эун* "по одному", *дэхи* "сорок" – *дэхи-дэхи* "по сорок", *мэнэ* "сам" – *мэнэ-мэнэ* "каждый сам по себе".

Использование редупликации для передачи предметных значений в современных флективных языках функционально ограничено. Субстантивные удвоения представлены в этих языках в основном "эхо-словами", "словами-отзвучиями" (*шурум-бурум*, *сахар-махар*, *танцы-рванцы*, *жигули-шмыгули*), употребляющимися в качестве языковой игры в разговорной речи (см. [Русск. разг. речь 1983; Янко-Триницкая 1968]). Распространение удвоений подобного типа во многих европейских языках связано, очевидно, с тюркским влиянием.

Удвоения с предметным значением характерны, по мнению Н.И. Ревзина, для тех языков, где предмет представляется не как нечто отдельное от других предметов, а как средоточие определенной совокупности свойств (см. [Ревзин 1980]). Тесная связь предметности и качественности находит яркое выражение в тех случаях, когда удвоением слов предметных частей речи передаются значения, характерные для частей речи с признаковой семантикой ("смещенные грамматические категории", по И.А. Мельчуку). Ср. кит. *янь* "скала, обрыв" – *яньянь* "суровый, недоступный, отвесный"; *сы* "нить" – *сысы* "тонкий"; *цзин* "кристалл" – *цзин-цзин* "блестящий". В индонезийском языке итеративное значение, свойственное глаголу, может быть выражено и редупликацией подлежащего-местоимения, т.е. *Dia dia terpilih mendjadi presiden* = *Dia terpilih-terpilih mendjadi presiden* "Его неоднократно избирали президентом". Центр внимания в такого рода удвоениях с предмета на его качество. Синтез качественных и предметных значений проявляется также в одной из наиболее характерных особенностей агглютинативных языков – в употреблении имен существительных в роли определения, что способствует распространению в агглютинативных языках словосочетаний, близких к сложным словам, типа коми-зырян. *vov jaj* "конина", букв. "лошадь мясо".

Представление предметности через призму признаков свойств предметов и явлений обуславливает, вероятно, и широкое распространение в изолирующих и агглютинативных языках так называемых изобразительных, или образных, слов-ономатопей. Ср.: кхмер. *так-так-так* "падение капель"; мар. *йыл-йол* "о сверкании молнии", *тыли-тыли* "о мигании огонька", *мыгыл-мугыл* "о движении какого-то неопределенного предмета"; кирг. *кобур-собур* "бормотанье"; крымско-тат. *паты-путь* "о неравномерном грохоте"; негид. *муси-муси* "улыбаясь"; нан. *бопиал-бопиал* "то открывая, то закрывая (рот, пасть, глаза)", *дерил-дерил* "мелькая", *вао-вао* "издавая лай собаки".

В современном русском языке (и, по-видимому, в других славянских языках) редупликация сосредоточена в сфере признаковой (непроцессуальной и процессуальной) семантики, представленной в целом относительно закрытыми семантическими классами в сравнении с более широкой и многообразной предметной семантикой. Так, например, аффиксальные удвоения в русском языке распространены главным образом в сфере диминутивно-оценочных и акционсартных значений (*ведер-оч-к-о*, *изб-ушеч-к-а*, *по-при-тихнуть*, *по-при-забыть*), а словные удвоения характерны прежде всего для прилагательных, наречий, глаголов (*белый-белый*, *много-много*, *ходит-ходит*). Удвоение в сфере признаковой семантики направлено на ее обогащение "изнутри", экспрессивно-количественное варьирование уже означенного.

III. Структурные, семантические и функциональные различия, наблюдаемые при реализации способа внутрисловного удвоения в разных языках, обусловлены как особенностями их словообразовательных систем, так и более общими типологическими свойствами языков.

Очевидно, что различие языков по характеру редупликантов (корень или аффиксы) находится в ближайшей связи с развитием в этих языках тех или иных с л о в о п р о з о д с т в а. Так, в изолирующих языках с ограниченной аффиксацией и ведущей ролью словосложения основным редупликантом закономерно вы-

ступает корень, поскольку значения, передаваемые в языках иной типологии посредством аффиксов, в изолирующих языках выражаются редупликацией корня (см., напр. [Лонг Сеам 1980]). Флективные же языки с высокоразвитой аффиксацией и аффиксальной синонимией используют, как мы показывали выше, аффиксальное удвоение.

Однако нельзя не видеть, что структурная специфика редупликации не определяется всецело продуктивностью аффиксации или словосложения в словообразовательных системах соответствующих языков. В классических агглютинативных языках, где аффиксация – ведущий способ словопроизводства, редуплицируется по преимуществу все-таки корневая морфема. Ср.: бурят. *хэдэ-хэдэн* "несколько", кирг. *кобур-собур* "бормотание", чув. *шурă-шурă* "белый-пребелый", гаг. *сыра-сыра* "рядами", тув. *он-он* "по десять", карач.-балк. *сары-сары* "желтый-желтый" и мн. др. Отсутствие прямой зависимости структурных типов редупликации от типологии способов словопроизводства свидетельствует о том, что структурное (и тем более семантическое) своеобразие редупликации в большей мере определяется иными, более общими типологическими свойствами языков, по отношению к которым способы словообразования выступают как частные проявления.

Такими общими типологическими свойствами являются, по-видимому, как установлено В.М. Солнцевым, особенности реализации трех видов взаимообусловленных отношений: иерархических (устройство единиц), синтагматических (отношения между собой в речи единиц одного уровня) и парадигматических (способы группировки единиц в разные классы) (см. [Солнцев 1972: 37]). Именно организация этих видов отношений в разных языках, отмечает Н.В. Солнцева, создает условия для развития фузионной и агглютинативной техники соединения морфем (см. [Солнцева 1985: 29–32]). Эти же отношения, на наш взгляд, являются существенными для возобладания тех или иных моделей редупликации. Иными словами, такие типологически значимые признаки, как синтаксическая самостоятельность/несамостоятельность корней-основ, способы выражения синтаксических отношений и категориальной характеристики слов, особенности соединения морфем в составе словоформы, оказывают значительное влияние на развитие определенных моделей внутрисловного удвоения.

Обычная для изолирующих и агглютинативных языков синтаксическая самостоятельность корней-основ (корнеслов), т.е. их способность самостоятельно, без аффиксов, функционировать в предложении, стимулирует развитие корневой редупликации в языках этого типа. Синтаксическая несамостоятельность корневой морфемы в языках флективного строя, необходимость в большинстве случаев аффиксального оформления корня для образования слова является фактором, ограничивающим корневую редупликацию.

Самостоятельность/ несамостоятельность корневой морфемы и связанные с этим способы передачи синтаксических отношений в разных языках обуславливают не только структурные, но и функционально-семантические различия в использовании редупликации. В изолирующих и агглютинативных языках, в которых ведущим критерием разграничения категориальной семантики является не морфология, а синтаксис, актуализация тех или иных категориальных значений обеспечивается синтагматически, с помощью порядка слов, служебных слов, интонации, синтаксической сочетаемости. В этих условиях, в условиях неморфологизированного противопоставления частей речи редупликация корней-основ становится одним из способов морфологической характеристики слова, способом выражения синтаксических отношений и приобретает часто не только модификационную, но лексическую и транспозиционную направленность. Например, в китайском языке удвоенные и неудвоенные формы используются в зависимости от функции слова в предложении, в зависимости от того, необходимо ли выразить предметные или признаковые значения: для передачи предметного значения обычно употребляется неудвоенная форма, а для характеристики действия или состояния в большинстве случаев употребляется слово, образованное посредством редупликации начального слога, ср.: *аньхао*⁴ "тайный сигнал" – *ань⁴ань* "тайно, тайком", *мима*³ "секретный код" – *ми⁴ми* "секретно, скрытно".

Агглютинативные языки, несмотря на развитую аффиксацию и возможность передачи синтаксических отношений средствами самих словоформ, с точки зрения способа синтаксической связи сходны с изолирующими⁶. Объясняется это, возможно, их прежним доагглютинативным строем, в рамках которого из знаменательных основ возникали грамматические значения и грамматические аффиксы⁷. Поэтому и в агглютинативных языках редупликация используется в качестве средства, эксплицирующего синтаксические отношения. Ср., например, характерное для тюркских языков применение редупликации для образования наречий на базе слов других частей речи: азерб. *бир* "один" – *бир-бир* "по одному", турк. *бир* "один" – *бир-бирден* "по одному", гун "день" – *гун-гунден* "день за днем", нан. *дюзэр* "два" – *дюзэр-дюзэр* "по два", *дарин* "ряд" – *дарин-дарин* "рядом, плечо к плечу".

Флективные языки характеризуются высокой степенью морфологизированности словоформ, каждый лексико-грамматический разряд ограничивается в этих языках достаточно ясно. Все это, наряду со значительным развитием аффиксации, в том числе синонимической, четкой противопоставленностью в большинстве случаев деривационных и реляционных аффиксов, стимулирует использование редупликации (как аффиксальной, так и лексемной) в качестве средства не "основной", так называемой лексической, и не транспозиционной (или синтаксической), а именно в качестве дополнительной, модификационной, деривации.

Характер редупликации зависит также и от особенностей морфемной синтагматики, связанной, в свою очередь, с самостоятельностью/несамостоятельностью корней-основ. Присоединение аффиксов к основам, равным слову, стимулирует применение агглютинативной техники, поддерживающей самостоятельность, независимость морфем в составе словоформы. Присоединение же аффиксов к основам, принципиально отличным от слова, сопровождается фузией – тесной спайкой образующих слово морфем. "Отдельность подачи элементов информации в составе словоформы" [Реформатский 1965: 84] обеспечивает агглютинативным аффиксам формально-семантическую устойчивость, наделяет эти аффиксы "полнотой значимости" (по Э. Сепиру), охраняет их от деэтимологизации. Отсутствие деэтимологизации является, по мнению Н.В. Солнцевой, главным отличительным признаком агглютинативных аффиксов, всегда отчетливо сохраняющих свое значение (см. [Солнцева 1985: 46]). Фузионные же аффиксы, напротив, «и внешне и внутренне тесно спаиваются с корнями и друг с другом и в составе этих "сплавов" теряют свое значение, как бы "затухают" и "стираются"» [Реформатский 1967: 272]. Нечеткость, размытость морфемных границ при фузии лишает фузионные аффиксы "полноты значимости", препятствует поморфемному восприятию информации, передаваемой словом. "Чем больше неясности в отношении связи между элементами, чем меньше оснований считать аффикс обладающим всей полнотой значимости, – пишет Э. Сепир, – тем резче подчеркивается единство цельного слова. Наш ум требует точки опоры. Если он не может опереться на отдельные словообразующие элементы, он тем решительнее стремится охватить все слово в целом" [Сепир 1993: 126]. Отсутствие четкой морфемной выделяемости, наряду с полисемией, полифункциональностью, нестандартностью и регулярной деэтимологизацией фузионных аффиксов, являются важным условием редупликации аффиксов, осуществляемой в поисках "точки опоры". Противоположные свойства агглютинативных аффиксов, напротив, являются фактором, существенно ограничивающим аффиксальную редупликацию.

Названные мотивы аффиксального удвоения в языках с фузией объясняют и преимущественную ориентацию редупликационных процессов на план содержания

⁶ "Изоляция, – по определению В.М. Солнцева, – характеристика не структуры слова, но способа его связи с другими словами" [Солнцев 1978: 34].

⁷ В тюркских языках, например, до настоящего времени отмечается большое количество так называемых нулевых грамматических форм, т.е. форм, не имеющих аффиксальной маркировки (см. [Баскаков 1979: 93–97]).

аффиксального редупликанта. Повторная аффиксация, направленная на устранение многозначности первичного аффикса (*вулканизатор* "лицо или предмет?" – *вулканизаторщик* "лицо"), на реконструкцию деэтимологизированных значений (*ножик* – *ножичек*, *книжка* – *книжечка*), способствует восстановлению "полноты значимости" аффикса, создает возможность расчлененного восприятия информации, приближает фузионный словообразовательный формант к форманту агглютинативного типа.

Склонность флективных языков к аффиксальной редупликации и отсутствие такой склонности в языках с агглютинативной техникой поддерживается общими противоположно направленными типологическими тенденциями. Если одна из типологических примет построения словоформы в языках флективного строя – избыточность, проявляющаяся в значительном развитии разных типов морфемной изосемии, "в наличии двух или более морфов для обозначения одного и того же содержания в пределах одной и той же единицы" [Гухман 1974: 48], то для агглютинативных языков характерна интенсивно действующая тенденция к экономии грамматических средств, находящая, в частности, выражение в вытеснении сложных структур простыми, в развитии нулевых грамматических показателей.

Связь аффиксальной редупликации с типологическими свойствами аффиксов, с особенностями их синтагматики и парадигматики хорошо прослеживается на "контр-примерах", т.е. нетипичных примерах и с п о л ь з о в а н и я аффиксального удвоения в языках с агглютинативной техникой соединения морфем и н е и с п о л ь з о в а н и я аффиксальной редупликации в языках с преобладанием фузии. Возможность редупликации некоторых аффиксов отмечена, например, в тюркских и финно-угорских агглютинативных по структуре языках, ср.: эрзя-морд. *беряки-ке* – *беряки-ки-не* "плохонький"; *вишки-не* – *вишки-нь-ки-не* "малюсенький"; казах. *ат* "лошадь" – *ат-ты-лы* "верховой". Аффиксальные удвоения отмечены даже в изолирующих языках со слабо развитой аффиксацией, ср. кит. *хай²-цзы-р* "ребенок"; *тун²-цзы-р* "медяк".

Интересно, что редупликация аффиксов в языках с преобладанием агглютинативной техники указывает на приобретение соответствующими морфемами фузионных свойств: признаков нестандартности и десемантизации. Аффиксальное удвоение во всех приведенных и подобных им случаях – следствие аффиксальной синонимии в данном деривационном сегменте либо результат семантико-функционального ослабления аффикса. Так, например, удвоение уменьшительных суффиксов в китайском языке и суффиксов со значением лица в казахском языке вызвано десемантизацией названных значений у первичных суффиксов – *цзы* и *-лы* (см. [Люй Шу-сян 1961: 38; Суник 1965: 61]), а удвоение уменьшительных суффиксов в эрзя-мордовском языке связано с наличием синонимических показателей этого значения. Характерно также, что аффиксальная редупликация в языках агглютинативного строя нередко сопровождается явлениями фузии на морфемных швах (см. изменения суффиксальных гласных и согласных в приведенных выше примерах из казахского, эрзя-мордовского языков). Таким образом, аффиксальная редупликация – это свидетельство и следствие развития фузионных тенденций на отдельных участках деривационных систем агглютинативных языков.

Точно так же, как явления аффиксальной редупликации в агглютинативных языках сигнализируют об участках проникновения фузии, принципиальная невозможность аффиксального удвоения или затухание продуктивности соответствующих моделей служат сигналами развития агглютинативных признаков у аффиксов в языках флективного строя. Так, например, префиксы русского языка типа *недо-*, *сверх-*, *квази-*, *анти-* и под., обладающие свойствами агглютинативных морфем, никогда не включались и не включаются в модели редупликации.

Случаи аффиксальной редупликации в языках с преобладанием агглютинации, с одной стороны, и случаи запрета на аффиксальную редупликацию в языках с преобладанием фузии, с другой, не могут быть, на наш взгляд, интерпретированы как указывающие на безразличие операции аффиксального удвоения к типологическим

характеристикам аффиксов. Такие случаи лишь подтверждают мнение, к которому приходят многие типологи: "Различия между особенностями морфологической структуры... языков... носят... не принципиальный, не качественный, а прежде всего количественный характер" [Суник 1965]. Именно количественное распределение в разных языках аффиксов с теми или иными типологическими признаками определяет степень распространенности аффиксальной редупликации.

Связь аффиксальной редупликации с типологическими особенностями аффиксов позволяет полагать, что утрата или, наоборот, активизация способности к удвоению в процессе исторической эволюции обусловлена соответственно накоплением агглютинативных (стандартизация, специализация) или, напротив, фузионных (нестандартность, многозначность) признаков. Это положение ярко подтверждает история моделей аффиксальной редупликации в русском языке. Если аффиксы немодификационных словообразовательных подсистем, накапливая агглютинативные свойства, с течением времени утрачивают способность к редупликации (см., например, историю моделей суффиксальной редупликации в сфере личных имен существительных в [Крючкова 1999в]), то аффиксы модификационного словопроизводства, напротив, усиливая признаки фузии, увеличивают редупликационные потенции (см., например, историю диминутивно-оценочной редупликации в [Крючкова 1991]).

В процессах аффиксальной редупликации выявляется сложное взаимодействие фузионных и агглютинативных тенденций. Вероятно, можно констатировать следующий парадокс аффиксальной редупликации: являясь следствием фузионных свойств аффиксов, аффиксальная редупликация способствует развитию агглютинативных признаков, сообщая аффиксальному форманту агглютинативные качества (признаки стандартности и моносемии), преодолевая асимметрию, свойственную флективным словообразовательным формантам. Не случайно, существуют разные, казалось бы, противоположные мнения об обусловленности аффиксальных удвоений. Так, А.А. Реформатский рассматривал возможность повторения в составе слова тождественных или близких по значению аффиксов как одно из следствий фузии (см. [Реформатский 1955: 212–213]), а В.А. Горпинич связывает активизацию процессов нанизывания синонимических аффиксов в русском языке с нарастанием антифузионных тенденций (см. [Горпинич 1981: 9]). Вместе с тем противоречие это, на наш взгляд, действительно кажущееся. Будучи в каждом конкретном случае следствием фузии, в широком смысле, в русле тенденции к расчлененной подаче информации, к установлению однозначных соответствий между планом выражения и планом содержания аффиксальная редупликация отражает также и развитие общих агглютинативных свойств. Ср., например, русские разговорные образования типа *вулканизатор-щик*, *по-приутихнуть*, возникающие как реакция на многозначность субстантивного форманта *-тор-*, участвующего как в образовании имен лица, так и в образовании предметных наименований, или как реакция на многозначность приставки *при-*, обладающей целым рядом пространственных и непространственных значений.

Однако агглютинативные тенденции, стимулирующие развитие аффиксальной редупликации, не достигают в языках с сильной фузией максимального развития. Инерция флективного строя рождает процессы вторичного синтезирования, находит способы адаптации структур с агглютинативноподобным нанизыванием. Показательно в этом отношении рассуждение Л.И. Ройзензона о результатах взаимодействия агглютинативных и флективных тенденций в полипрефиксальных глаголах: "По мере того, как ослабляется агглютинативность вторичной приставки, возрастает ее флективная функция, а это ведет к усилению семантического взаимодействия вторичного префикса и основы глагола. У некоторых вторичных префиксов агглютинативность ослаблена до такой степени, что отношения между этими приставками и глагольными основами становятся такими же, как и у одноприставочных глаголов: полипрефиксация в этом случае функционально равнозначна монопрефиксации" [Ройзензон 1967: 8]. В лексикографии такие глаголы толкуются посредством формулы "то же, что", ср.: *понаслышаться* – "то же, что наслышаться", *повымотать* – "то же, что вымотать",

пообдумать – "то же, что обдумать", *поражиться* "то же, что разжиться", *попризабыть* – "то же, что призабыть", *позабросить* – "то же, что забросить".

В результате процессов вторичного синтезирования аффиксальные последовательности в фузионных языках регулярно превращаются в сложные аффиксы и морфемные комплексы (бисуффиксальные форманты) – формально членимые, но функционально целостные форманты (ср., например, дискуссии о вычленении сложных формантов или формантных последовательностей в структуре диминутивов 2-й степени и полипрефиксальных акционсартных глаголов).

Подведем некоторые итоги.

1. Универсальность способа удвоения и вместе с тем структурное и семантико-функциональное своеобразие его реализации в языках разной типологии убеждает в справедливости мнения о том, что характер редупликации может рассматриваться как один из типологических признаков в классификации языков. В своеобразии структурных моделей редупликации, функционирующих в языках разных морфологических типов, находит яркое отражение типологическая специфика устройства слова. Можно, пожалуй, согласиться с мнением В.И. Беликова о том, что ни один из традиционных типологических параметров (в частности, степень фузионности морфемных швов, доля нестандартных основ и аффиксов, способность к амальгированию в одной морфеме нескольких служебных элементов значения) "не сопряжен со степенью развития (разрядка наша. – О.К.) морфологического приема редупликации как специфического вида языковой техники" [Беликов 1989: 181]. Однако зависимость структурно-семантических моделей редупликации от названных и других типологических характеристик языкового строя, на наш взгляд, несомненна.

2. Кроме того, языки разной типологии различаются, по-видимому, не только своеобразным применением общего для всех (или большинства) языков приема внутрисловного удвоения, но все-таки и степенью развития этого приема, связанной, возможно, уже с иными типологическими параметрами. Не берясь в данном случае за решение этой проблемы, выскажем лишь два предположения:

1) Наиболее широкое применение прием внутрисловного удвоения получает, очевидно, в тех языках, где основным способом словопроизводства является словосложение. Языки, не использующие сложения, практически не знают и редупликации. Например, в эскимосско-алеутской группе палеоазиатских языков отсутствует сложение, и удвоение встречается только в междометиях-сигналах: эск. *к'ук'-к'ук'* – сигнал о появлении морского зверя на поверхности воды; алеут. *ка-ка!* – сигнал "вправо!" Ср.: в нивхском языке (генетически изолированном языке той же палеоазиатской семьи) продуктивность словосложения сочетается с продуктивностью редупликации. Вместе с тем развитость словосложения не является обязательным условием распространения редупликации. Например, в кетском языке (изолированном языке палеоазиатской семьи) развито словосложение, но почти (за исключением немногих междометий) не используется редупликация.

Характер отношений между сложением и редупликацией ставит вопрос о первичности/вторичности этих способов словопроизводства. Для современного состояния языков корреляция сложения и редупликации может, по всей видимости, определяться так: в большинстве языков развитие словосложения указывает на то, что есть и редупликация. Однако в плане диахронии вполне вероятно и обратное соотношение: в языках с развитой редупликацией активно формируется словосложение. Основанием для данного предположения служат многочисленные указания исследователей разных языков на древность корневых удвоений (см., напр.: [Лонг Сеам 1980: 141; Аганин 1959: 5–6; Дмитриев 1962: 136; Карский 1956: 11]). Определенно высказываются по этому поводу В.Г. Егоров и Н.В. Солнцева. Ср.: "Древнейшей и самой простой формой словосложения во многих языках мира являются удвоенные слова" [Егоров 1971: 95]; "Способ удвоения появился и стал употребляться как массовое средство (в языках Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. – О.К.) до того, как появилось современное аффиксальное словообразование и словосложение" [Солнцева 1985: 76].

2) Неравномерное развитие редупликации в разных языках может быть связано также с неодинаковым соотношением мотивированности/ немотивированности, производимости и воспроизводимости слов. В языках разных типов сила этой тенденции, очевидно, различна (ср. отмеченное Л.Г. Зубковой, Р.С. Манучаряном неравномерное соотношение производимости и воспроизводимости в агглютинативных и флективных языках). Преобладание первой тенденции (в языках с агглютинацией) может стимулировать продуктивность редупликации, преобладание второй (в языках с флексией) – ограничивать ее развитие.

В русском языке, по наблюдениям лингвистов, тенденция к мотивированности постоянно и успешно противодействует противоположной тенденции – тенденции к немотивированности. Тенденция к мотивированности проявляется, в частности, и в стремлении придать большую формальную выразительность значащим элементам слова [Лопатин 1975], и в большей коммуникативной частотности мотивированных слов [Лукашевич 1997], расчлененных смысловых структур, и в разных способах дублирования значений, передаваемых информативно менее насыщенными компонентами, например аффиксами [Архипов, Гурочкина 1981]. Сосуществование и постоянная борьба тенденций к мотивированности и немотивированности, "разъемность", "многообразная членимость" и одновременно "глубокая фразеологичность", "целостность" русского слова (свойства, сформулированные М.В. Пановым) служат источником того своеобразного положения, которое занимает редупликация в русском языке, обуславливает ее постоянное возникновение на разных участках словообразовательной системы и постоянное затухание в результате фузионной обработки редупликационных сегментов в структуре русского слова, в результате образования сложных или бисуффиксальных формантов (см., например [Ройзензон 1963: 59–60; 1970: 19; Шкатова 1984: 88]).

3. Анализ редупликационных явлений с учетом моделей редупликации, характерных для языков флективного строя, дает основания для корректировки распространенного определения редупликации как "фономорфологического явления". Сама по себе возможность использования в процессах внутрисловных удвоений значимых единиц языка (словообразовательных аффиксов или слов, переходящих на положение морфем) делает неверным ограничение редупликации формальным фактором, поскольку основой удвоений, в которых участвуют значимые единицы, является именно семантика, а не структура этих единиц.

Исключение собственно семантических повторов из сферы редупликации лишает описание этого процесса необходимой объяснительной силы. Так, при анализе аффиксальной редупликации с позиций обязательного формального тождества повторяющихся в слове аффиксов (например, у Л.И. Ройзензона) в качестве примеров редупликации рассматриваются производные типа *поверхн-ост-н-ость*, в которых повторение одного и того же аффикса не является повторением дериватемы, но не попадают в поле зрения производные типа *изб-ушеч-к-а* с удвоением формально различных, но семантически тождественных суффиксов, примеры, в которых как раз имеет место повторение дериватем.

Ограничение редупликационного процесса обязательным формальным тождеством повторяющихся внутри слова единиц порождает и неоправданную изоляцию внутрисловных удвоений из общей системы языковой повторяемости, разрушая целостность представления о соотношении внутри- и межсловной повторяемости (к последней традиционно относят не только лексико-семантические, но и собственно семантические повторы) – подсистем, образующих в целом сложную с и с т е м у разнообразных и разнородных средств гиперхарактеризации (термин Э. Швицера).

Можно предложить следующее определение редупликации, учитывающее, с одной стороны, универсальность этого приема построения слов, а с другой стороны, многообразие его структурно-семантических и функциональных проявлений: Редупликация – это способ слово- или формообразования, состоящий в удвоении корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или целых слов, переходящих на положение

морфем. Редупликация может быть полной, неполной, дивергентной, осложненной, синонимической. В случаях применения редупликации всегда возникает асимметрия плана выражения и плана содержания: одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения. Продуктивность того или иного типа редупликации зависит от особенностей морфологического строя языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

адыг. — адыгейский	кхмер. — кхмерский
азерб. — азербайджанский	мад. — мадурский
алеут. — алеутский	малаг. — малагасийский
англ. — английский	мал. — малайский
блр. — белорусский	мар. — марийский
бирм. — бирманский	нан. — нанайский
болг. — болгарский	негид. — негидальский
бурят. — бурятский	ног. — ногойский
вьет. — вьетнамский	папуас. — папуасский
гаг. — гагаузский	русс. — русский
греч. — греческий	таг. — тагальский
др.-русс. — древнерусский	тув. — тувинский
индонез. — индонезийский	турк. — туркменский
казах. — казахский	узб. — узбекский
каракалп. — каракалпакский	уйгур. — уйгурский
карач.-балк. — карачаево-	укр. — украинский
балкарский	чеш. — чешский
кирг. — киргизский	чув. — чувашский
кит. — китайский	шан. — шанский
коми-зырян. — коми-зырянский	эрзя-морд. — эрзя-мордовский
коряк. — корякский	эск. — эскимосский
крымско-тат. — крымско-татарский	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авrorин В.А. 1959–1961 — Грамматика нанайского языка. Т. 1–2. М.; Л., 1959–1961.
- Аганин Р.А. 1959 — Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.
- Алиева Н.Ф. 1980 — Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Аракин В.Д. 1980 — Удвоение в малагасийском языке // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Архипов И.К., Гурочкина А.Г. 1981 — Информативность словообразовательных нетранспонирующих суффиксов // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1981.
- Баскаков Н.А. 1979 — Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.
- Беликов В.И. 1989 — Редупликация как типологически значимое явление // Новое в изучении вьетнамского языка и других языков Юго-Восточной Азии. М., 1989.
- Вежбицкая А. 1999 — Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллюкативная семантика // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Горгониев Ю.А. 1980 — Прилагательные с удвоенным комплексом в китайском языке // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Горпинич В.А. 1981 — Словообразовательная система языка как тождество противоположностей ее составных элементов // Русское языкознание. Киев. 1981. № 3.
- Гухман М.М. 1974 — Лингвистические универсалии и типологические исследования // Универсалии и типологические исследования. М., 1974.
- Дмитриев Н.К. 1962 — Строй тюркских языков. М., 1962.
- Дьячков М.В. 1977 — О словарном составе креольского языка крио // Языки зарубежного Востока. М., 1977.

- Егоров В.Г. 1971 – Словосложение в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
- Карский Е.Ф. 1956 – Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2: Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. М., 1956.
- Касевич В.Б. 1988 – Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Крючкова О.Ю. 1991 – Вторичная деминутивно-оценочная деривация: современное состояние и развитие: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991.
- Крючкова О.Ю. 1999а – Суффиксальная редупликация как экспликатор исторической динамики древнерусских прилагательных // III Житниковские чтения. Динамический аспект лингвистических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. II. Челябинск, 1999.
- Крючкова О.Ю. 1999б – Редупликация абстрактно-именных суффиксов в русском языке XI–XVII вв. // Филология. Вып. 4. Саратов, 1999.
- Крючкова О.Ю. 1999в – Модели суффиксальной редупликации как отражение процессов словообразовательной эволюции (на материале личных имен существительных) // Альманах "Говор". Материалы второй Всероссийской научной конференции. Ч. 3. Сыктывкар, 1999.
- Кудайбергенов С. 1957 – Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957.
- Леонтьев А.А. 1980 – О некоторых грамматических функциях редупликации в папуасском языке телефол // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Лонг Сеам 1980 – Повтор в кхмерском литературном языке // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Лопатин В.В. 1975 – Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // ВЯ. 1975. № 4.
- Лукашевич Е.В. 1997 – Функционирование мотивационно-частотного коэффициента производной лексики русского языка // Человек в свете его коммуникативного самоосуществления. Вып. 1. Барнаул, 1997.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь/Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
- Люй Шу-сян 1961 – Очерк грамматики китайского языка. М., 1961.
- Макаренко В.А. 1970 – Тагальское словообразование. М., 1970.
- Манучарян Р.С. 1981 – Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.
- Мельчук И.А. 1997–1998 – Курс общей морфологии. Т. I–II. М.; Вена, 1997–1998.
- Морев Л.Н. 1983 – Шанский язык. М., 1983.
- Оглоблин А.К. 1980 – Материалы по удвоению в мадурском языке // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Омельянович Н.В. 1980 – Удвоение в разговорной форме современного бирманского языка // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Орузбаева Б.О. 1964 – Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
- Панов М.В. 1999 – Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Ревзин Н.И. 1980 – Два способа выражения идеи предметности и проблема удвоения // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Реформатский А.А. 1955 – Введение в языкознание. М., 1955.
- Реформатский А.А. 1965 – Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.
- Реформатский А.А. 1967 – Введение в языковедение. М., 1967.
- Ройзензон Л.И. 1963 – Глаголы с вторичной приставкой *ro-* в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку. М., 1963.
- Ройзензон Л.И. 1967 – Теоретические заметки по славянской аспектологии (о специфике глагольной полипрефиксации сравнительно с монопрефиксацией) // Вопросы языкознания. Материалы XXIV научной конференции проф.-препод. состава СамГУ им. А. Навои. Самарканд, 1967.
- Ройзензон Л.И. 1970 – Славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. ... док. дис. Минск, 1970.
- Русск. разг. речь. 1983 – Русская разговорная речь. М., 1983.
- Санжеев Г.Д. 1941 – Грамматика бурятского языка. М.; Л., 1941.

- Сепир Э. 1993 – Язык. Введение в изучение речи // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серебрянников Б.Ф. 1965 – Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.
- Сираева С.Н. 1969 – Парные слова назывного характера в немецком и узбекском языках // Труды Самаркандского гос. университета им. А. Навои. Новая серия. Вып. 169: Вопросы филологической науки. Самарканд. 1969.
- Сирк Ю.Х. 1980 – О структуре повторов в западных индонезийских языках // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М., 1980.
- Солнцев В.М. 1972 – О понятии уровня языковой системы // ВЯ. 1972. № 3.
- Солнцев В.М. 1978 – Типология и тип языка // ВЯ. 1978. № 2.
- Солнцева Н.В. 1985 – Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
- Суник О.П. 1965 – Вопросы типологии агглютинативных языков (К проблеме соотношения агглютинации и флексии) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.
- Тхаркахо Ю.А. 1992 – Лексическая и словообразовательная синонимия в адыгейском языке. Майкоп, 1992.
- Шкатова Л.А. 1984 – Развитие ономаσιологических структур. Иркутск, 1984.
- Языки Азии... 1976 – Языки Азии и Африки. Кн. I–II. М., 1976.
- Языки народов... 1966–1968 – Языки народов СССР. Т. 1–5. М.; Л., 1966–1968.
- Языки Ю.-В. Азии 1980 – Языки Юго-Восточной Азии. М., 1980.
- Языковые универсалии... 1969 – Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
- Янко-Триницкая Н.А. 1968 – Штучки-дрючки устной речи (Повторы-отзвучия) // Рр. 1968. № 4.
- Ярцева В.Н. 1974 – Проблема универсалий и классификация языков // Универсалии и типологические исследования. М., 1974.